

**ОТЗЫВ**  
официального оппонента  
о диссертации  
**Валерии Станиславовны Кучко**  
**«Семантико-мотивационное поле “ложь, обман”**  
**в языковом пространстве русских народных говоров»,**  
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук  
по специальности 10.02.01 – русский язык (Екатеринбург, 2017)

Труд В.С. Кучко посвящен многоаспектному и сложно организованному фрагменту языковой картины мира, а именно, представлениям о лжи и обмане, реализованным в общенародном языке и русских народных говорах. Данная тема связана с представлениями о человеке: его ментальной деятельности, аксиологии (этических нормах), с вопросами истинности / ложности и проблемами верификации, она также теснейшим образом соотносится со сферой речевой деятельности человека. Несмотря на то, что в формулировке темы в качестве объекта исследования заявлен только язык, автор постоянно обращается к внеязыковой действительности, комментируя те или иные представления, нашедшие отражение в языке, подтверждая свои аргументы культурологическим, этнографическим и историческим комментарием, что значительно обогащает содержание диссертации и свидетельствует о широком кругозоре ученого. Исследуя языковой фрагмент на синхронном уровне, В.С. Кучко часто прибегает к этимологии тех или иных слов, что также придает работе фундаментальность и научную глубину. Весьма уместны и инославянские лексические параллели, которые время от времени приводит автор, это обстоятельство свидетельствует о его эрудиции и глубинном понимании природы исследуемого объекта.

Научная новизна и актуальность диссертации обусловлена тем, что ранее работа такого объема и масштаба не проводилась, несмотря на то, что представления об обмане и язык обмана становились объектом внимания исследователей, представителей различных наук (во введении В.С. Кучко дает краткий обзор публикаций по данной теме).

Работа выполнена на обширном материале, включающем в себя диалектные и фразеологические словари и словарные картотеки. Особенно ценны для исследования неопубликованная картотека Топонимической экспедиции Уральского университета, картотека Словаря говоров Русского Севера и картотека лексики, собранной на территории Костромской области, которые хранятся на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского университета. Из словарей и картотек материал извлекался как направленным поиском, так и методом фронтального просмотра.

Безусловным достоинством работы является то, что автор широко использует в диссертации полевой материал, собранный и апробированный в том числе и им самим, так как он неоднократно принимал участие в диалектологических экспедициях Уральского федерального университета на Русский Север (с 2011 по 2016 г.).

Таким образом, диссертант впервые вводит в научный оборот значительный объем лексики и фразеологии с «обманной» семантикой. В ходе работы над диссертацией В.С. Кучко был собран внушительный корпус языковых единиц, список которых приводится в конце работы в виде приложения. Все это делает эмпирическую базу исследования максимально полной и репрезентативной.

Работа отличается логичной композицией. Она состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и источников (248 пунктов), а также приложения, представляющего собой алфавитный список языковых единиц с «обманной» семантикой с их паспортизацией. Введение содержит все необходимые для квалификационной работы

разделы: в нем раскрываются понятия семантического и семантико-мотивационного поля, формулируются объект и предмет исследования, описывается применяемая в диссертации методика, излагаются цели и задачи, дается история изучения вопроса и обзор использованных материалов и источников. Семь положений, выносимых на защиту, сформулированы четко и ясно и не вызывают возражений.

Несомненным достоинством диссертации является то, что в каждой из глав В.С. Кучко применяет различные подходы к анализу материала.

В первой главе дается семантический анализ единиц, входящих в поле «Обман». Глагол *обманывать* в основном значении и другая «обманная» лексика относятся к интерпретационному классу, то есть за ними может стоять довольно широкий круг действий, которые говорящий оценивает как обман. Выделяются 16 основных идеограмм, наполняющих пространство семантического поля, часть из которых входит в его ядро, а часть относится к периферии. Анализируется ближайшее и дальнейшее семантическое окружение исследуемого поля.

Во второй главе автор обращается к мотивационному анализу «обманной» лексики, упорядочивая лексику и фразеологию по предметно-тематическим кодам (всего выделяется 12 кодов). Также анализируются сквозные мотивы поля и лексико-фразеологические группы, выделяемые на их основании (мотив нарушения прямоты, мотив воздействия на объект инородным веществом, мотив подчинения чужой воли и пр.).

Третья глава посвящена анализу одного из типов обмана – обману в любви. Выделение данного типа обмана В.С. Кучко аргументирует тем, что актантная структура ситуации обмана в любви отличается от прототипической ситуации обмана в основных значениях. Помимо позиций субъекта (того, кто обманывает) и объекта (того, кого обманывают), она включает в себя третьего участника – того, с кем агент обманывает пациента, при необязательной экспликации этой позиции в каждом отдельном случае. Лексика и фразеология обмана в любви, имея много общего с остальной «обманной» лексикой, обладает своей яркой спецификой, что автору удастся продемонстрировать. Заслуживают особого внимания проводимые диссертантом параллели между лексикой любовной измены и образностью и тематикой смежной с ней сферы свадебного обряда, в частности, с формулами отказа при сватовстве (с. 219-220). Как уже было сказано выше, на протяжении всей работы автор комментирует лексический материал с этнографической и этнолингвистической точек зрения, что особенно ярко проявляется как в данной главе диссертации, так и в разделах второй главы, посвященных обрядово-игровому (раздел 2.3.7) и мифологическому кодам (раздел 2.3.12). Интересны также комментарии к обозначению лжи через образ ремесленного литья: обычай пускать при литье металла неправдоподобный слух ради удачи дела (с.137); комментарии к образу елки, которая могла выступать не только как дерево, сопровождающее различные увеселения, но также и как своеобразный «указатель» на питейные заведения (с. 154).

В четвертой главе В.С. Кучко анализирует отдельные лексемы с семантикой обмана в контексте их этимолого-словообразовательных гнезд (*мытар-*, *шав-*, *мазур-* и *калауш-*), а также приводит в алфавитном порядке (раздел 4.6) ряд диалектных «темных» слов, или до сих пор не интерпретированных в этимологической литературе, или неоднозначных и требующих отдельного комментария. В.С. Кучко предлагает для данных слов свое решение, что несомненно придает работе особую научную ценность и новизну и особенно будет интересно этимологам. В заключении автор излагает выводы, суммирует итоги работы и намечает ее возможные перспективы.

Диссертация написана ясным языком, не перегружена излишней терминологией, в ней практически не встретилось опечаток (при значительном объеме текста было замечено не более 7 опечаток и стилистических неточностей).

Несмотря на общую безусловно высокую оценку работы, хотелось бы высказать некоторые частные замечания, сомнения и пожелания.

1. Семантика обмана, очевидно, понимается автором довольно широко, настолько широко, что порой бывает трудно понять, где проходят ее границы. В частности, могут возникнуть сомнения, насколько обман в любви, которому посвящена третья глава диссертации, правомерно относить к феномену обмана, ведь обман предполагает сознательное введение адресата в заблуждение, что не очевидно в случае с любовной изменой. Скорее здесь речь может идти о «предательстве», «нарушении обещания, обязательств», но не об обмане как таковом, так как у субъекта отсутствует цель намеренного введения другого человека в заблуждение, отсутствуют корыстные мотивы и он не руководствуется извлечением выгоды (см. определение обмана на с. 5 диссертации). Представляется, что мотив обмана не входит в семантику измены, а появление в данном случае «обманной» лексики носит скорее метафорический характер. Возникает вопрос, где же все-таки проходят границы обмана при таком широком размытом понимании этого явления?

2. В разделе второй главы, посвященном соматическому коду «обманной» лексики, автор подробно останавливается на тех частях тела субъекта и объекта, которые актуальны в ситуации обмана. В числе органов, участвующих в обмане, перечисляются глаза, мозги и голова, нос, зубы и речевые органы, однако в данном разделе ничего не сказано об органах слуха, чего можно было бы ожидать. Фразеологизм «вешать лапшу на уши» рассматривается с точки зрения пищевого кода в соответствующем разделе, однако уши в раздел соматизмов не попали. Чем можно объяснить столь слабую представленность акустических органов восприятия в «обманной» лексике, ведь обман это прежде всего речевое действие, которое должно было бы оказывать непосредственное воздействие на слух, а уже через него на сознание (и зрение как его метафорическую реализацию)?

3. Распределение материала по тем или иным мотивам представляется делом достаточно сложным, и автору в большинстве случаев это удается сделать удачно, однако некоторые отдельные случаи вызывают вопросы, в частности: пороть (*дурочку, чушь, горячку*) было отнесено автором в тематическую группу «Ткачество и прядение» (с. 135), однако мотивировка подобного распределения не совсем ясна и требует дополнительного пояснения. Не может ли в данном случае глагол *пороть* отсылать не к идее «разрезания целостной ткани речи», а к идее «битья», «нанесения ущерба», также весьма продуктивной в сфере «обманной» лексики (см. с. 67-68). Возникает вопрос о принципах отнесения к той или другой группе в случае многозначности лексем, особенно в ситуациях, когда не вполне очевидно, какое из значений реализуется в том или ином случае (часто по причине высокой степени экспрессивности данной лексики)?

4. Несмотря на безусловную полезность и важность в исследовании этнографических и культурологических комментариев, в некоторых случаях они кажутся излишне подробными, слабо связанными с рассматриваемым сюжетом. Таково, например, упоминание соревнования по стрельбе горохом в английском городе Уичем при анализе слова *огорошить* (с. 278). При рассмотрении фразеологизма *перемывать кости* (с. 106), вероятно, можно было бы не только вспомнить обычай вторичного погребения у южных славян, более отдаленный географически, но также обратиться и к русскому сказочному фольклорному мотиву (например, «Крошечка Хаврошечка»). Очевидно, что эти факты не связаны с русской диалектной лексикой и упоминание их вызывает вопросы.

5. Некоторые мотивировки, предлагаемые автором, кажутся слишком усложненными, например, автор рассуждает о кузнечной метафоре в сфере «обманной» лексики (с. 138) и приходит к выводу, что в семантике глагола *подковать* присутствует сема подчинения чужой воле, что обуславливает использование данной метафоры в сфере поля обмана, однако не упоминает слов *коварный, коварство*, которые сразу приходят в голову в связи с темой кузнечного дела в сфере обмана. Аналогично, мы встречаем

довольно сложные объяснения использования слова *хвост* и его производных в «обманных» значениях, в том числе и благодаря притяжению к словам *хвастун* и *прохвост* (с. 179), но при этом не упоминается напрашивающееся простое объяснение через связь с поведением животных, например, лисы, которая использует хвост для заметания следов, чтобы сбить с толку, обмануть преследующих ее охотников.

6. В разделе о любовном обмане автор упоминает мотивационный признак сухости как свидетельство безжизненности, законченности любовных отношений (с. 225). Однако, как тогда объяснить термин «присушка» и другую лексику традиционной культуры, в которой идея сухости, напротив, связывается с интенсификацией любовного чувства (см., в частности, заговоры)?

7. Автор неоднократно упоминает, что из 1100 языковых единиц, содержащихся в приложении, не все удалось проанализировать с мотивационной точки зрения, некоторые слова обладают непрозрачной внутренней формой и пока не поддаются интерпретации. Представляется целесообразным снабдить языковые единицы, проанализированные в диссертации, ссылками на страницы, где они упоминаются. Таким образом сразу было бы видно, какие единицы пока не удалось классифицировать (второй вариант – дать эти «темные» слова и фразеологизмы отдельным списком), чтобы можно было оценить их количество по отношению к основной массе фактов.

Остальные замечания и пожелания представляются совсем частными. Например, что касается библиографии: в разделе о предметном коде, где речь идет о головных уборах и, в частности, о колпаке (с. 147), можно было бы сослаться на недавно вышедшую книгу М.Л. Ковшовой «Семантика головного убора в культуре и языке». М., 2015. На с. 100 диссертации рассматриваются глаголы *микулити*, *промикулити* и др. Интересная параллель упоминается Б.А. Успенским в монографии «Филологические разыскания в области славянских древностей». М., 1982. (С. 93). Ссылаясь на словарь украинского языка Б. Гринченко, Б.А. Успенский усматривает связь между укр. выражением *микуляти очима* «смотреть, избегая встречаться глазами» и именем Николы. Вообще при чтении диссертации часто напрашивались славянские параллели к рассматриваемым на русском диалектном материале фактам. Например, к теме нарушения пространственных границ в связи с обманом в любви можно привести словенский фразеологизм *skočiti čez plot* (буквально «перепрыгнуть через забор» в значении ‘изменить’), или же в качестве дополнения к упоминанию образа соломы в сфере лексики говорения приходит на память словенское выражение *mlatiti prazno slamo* (буквально «молотить пустую солому» в значении ‘говорить глупости, болтать ерунду’). Таким образом, представляется весьма перспективным в будущем расширить исследование путем сравнения русских диалектных данных с данными других славянских языков, что, надеюсь, автор реализует в своей будущей монографии. Также в дальнейшем можно было бы предпринять попытку лингвогеографического анализа исследованного фрагмента языковой картины мира (вслед за работами О.В. Видовой, упоминаемыми автором в библиографическом обзоре). Было бы очень интересно, если бы В.С. Кучко попыталась выделить и представить на карте ареалы распространения тех или иных мотивационных моделей или лексем (отчасти она это делает словесно, давая лингвогеографические характеристики слову *мазурик* и связанным с ним). Все это можно считать задачей будущих исследований.

Основное содержание работы представлено в семнадцати опубликованных работах, шесть из которых входят в список журналов, рекомендованных ВАК.

Автореферат полностью отражает содержание диссертации.

Таким образом, диссертация **Валерии Станиславовны Кучко «Семантико-мотивационное поле “ложь, обман” в языковом пространстве русских народных говоров»**, представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 «русский язык», является обстоятельным лексикологическим исследованием существенного фрагмента русской диалектной картины мира,

выполненным на большом, в значительной степени новом материале. Оно полностью соответствует п. 9, 10 «Положения о присуждении ученых степеней», и является научно квалифицированной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей первостепенное значение для филологической отрасли знания, а ее автор достоин присуждения ученой степени «кандидат филологических наук» по специальности 10.02.01 – русский язык.

Ясинская Мария Владимировна,  
кандидат филологических наук,  
научный сотрудник  
Отдела этнолингвистики и фольклора  
ФГБУН Институт славяноведения РАН

ФГБУН Институт славяноведения РАН  
119991, Москва, Ленинский просп., д. 32 А  
Тел.: 8 (495) 938-17-80  
Email: [inслав@inслав.ru](mailto:inслав@inслав.ru)

Ясинская Мария Владимировна  
117463, Москва, ул. Инессы Арманд,  
д. 4, кор.1, кв. 415  
Тел.: 8 (495) 422-37-92  
Email: [marusiaya@gmail.com](mailto:marusiaya@gmail.com)

07 ноября 2017 года

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

ВЕРНО: *Морозова*  
и.о. Заведующая кадрами  
*Морозова*  
"07" *ноября*

